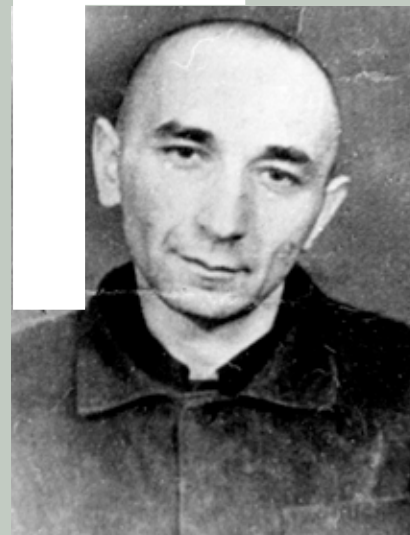

А.Б. Рогинский. Избранные статьи, выступления, комментарии к научным публикациям, интервью

Поздравления друзей
и коллег в честь
70-летия

РОГИНСКИЙ

МОСКВА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
МЕМОРИАЛ –
Издательство
«Звенья»
2016

К И И

Р О

Г И Н

С

Рогинский к 70-летию

РО
П
ИН
С
КИЙ

А.Б. Рогинский

**Избранные статьи,
выступления, комментарии
к научным публикациям,
интервью**

**Поздравления друзей
и коллег в честь
70-летия**

МОСКВА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ

МЕМОРИАЛ –

Издательство

«Звенья»

2016

Книга издана
тиражом 25 нумерованных экземпляров.
Экземпляр № 1 именной.

Экземпляр № 1 _____
Арсения Борисовича Рогинского

Арсений Борисович, книга, которую Вы сейчас держите в руках, – попытка сделать то, что сделали бы Вы сами, не будь нас, то есть не будь Мемориала.

Уже давно, лет эдак 27 или даже 28, Вы и Мемориал, а значит, мы все, – одно целое. Вряд ли и сама общественная организация (организация как совокупность людей), и Вы понимали тогда, в конце 1980-х, что встреча эта окажется для всех нас судьбоносной. Кто выиграл от этой встречи? Конечно, Мемориал – заполучив интеллектуального лидера (все другие Ваши замечательные качества и мемориальские регалии мы опускаем). Ведь когда Вы находитесь в Мемориале, на Каретном (а Вы почти всегда в Мемориале, если только не в разъездах по мемориальским делам), значит, Вы здесь решаете массу проблем, как правило, не своих. Но одновременно это значит, что Вы не в архиве, не дома за рабочим столом...

Все эти годы мы понимали, что виноваты перед Вами, постоянно отвлекая от главного в Вашей жизни – писать на исторические темы, кропотливо и ответственно исследовать прошлое. Поэтому в преддверии Вашего 70-летия, рутинно обсуждая, какой коллективный подарок сделать юбиляру, мы решили собрать и издать сборник Ваших трудов.

Вначале мы полагали, что это будет небольшое издание, страниц на 150–180... Одолевали сомнения – а не станет ли книга печальным свидетельством того, как общественное служение лишило науку талантливого исследователя. Однако нам пришлось немало потрудиться, чтобы из огромного корпуса Ваших трудов отобрать немного, что уложится в один «юбилейный» том. Оказалось, что Мемориал, что мы все... нет, конечно, помеха для Рогинского-

историка, но не помеха-помеха: вряд ли что бы то ни было могло помешать Вам остаться Историком. Поэтому не будем впадать в крайности и говорить, что последние 25 лет погубили выдающегося ученого. Сборник даже избранных Ваших работ со всей очевидностью доказывает обратное.

И вот мы предъявляем «граду и миру» не только Вас живого – умнейшего и прекраснейшего **РОГИНСКОГО**, но и вот этого, «книжно-бумажного», которого с любовью и почтением придумали, собрали, отобрали и отредактировали **мемориальцы.**

Посвящение Арсению Рогинскому

Студенты – или просто любители советской истории и, в частности, истории сталинизма – часто задают мне вопрос: кого из российских историков сталинизма читать? Я обычно отвечаю: Виктора Петровича Данилова, Сергея Красильникова, Олега Хлевнюка, Елену Зубкову, Никиту Петрова и «остальную команду мемориальцев». Все, конечно, знают «Мемориал», но далеко не все знают, что в «Мемориале» таится прекрасная такая «команда». Команда крайне скромная, работает «в коллективе», часто выступает в качестве «редакционной коллегии» или «научных редакторов» и подписывается инициалами – А.Ю., А.И., Н.Г., Н.П., Е.Б., С.Г., А.Б.

Позвольте мне остановиться именно на последних инициалах А.Б. В нашем узком кругу всем известно, что за А.Б. стоит Арсений Борисович Рогинский. Найти его произведения, к сожалению, не так легко, особенно у нас, за границей. Можно, конечно, покопаться в Интернете, поискать на сайте «Мемориала». Но держать в руках, аннотировать, читать и перечитывать «большую» книгу, не говоря о солидном томе «избранных сочинений» Арсения Борисовича Рогинского, увы, пока не суждено. А жаль! Работы А.Б. приходится собирать по крупицам: статьи в давно уже недоступных – для широкой публики – сборниках, альманахах, каталогах выставок, журналах; интервью, беседы, тезисы, доклады на разных конференциях. Не стану перечислять все запечатлевшиеся в памяти его работы. Остановлюсь лишь на трех образцах многогранной деятельности Арсения Борисовича как историка.

Искусство комментария и сносок: кропотливая, точная, требующая эрудиции работа, основанная на длительном, глубоком осмыслении архивных документов и их ловушек. Студентам и аспирантам многие годы уже даю в пример прекрасные, обширные (по объему полноценная статья!) комментарии и сноски, скромно подписанные «Прим. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского» к последним томам «Трагедии советской деревни», посвященным 1937–1939 гг. Хотите понять изнутри механизмы функционирования, «кухню» массовых операций НКВД 1937–1938 гг., «культуру отчетности» НКВД, отношения между «центром» и «периферией» – читайте эти комментарии! Они помогут вам не только осмыслить Большой террор, но и понять, какие вопросы ставит перед историком этот пласт энкавэдэшных документов – как их анализировать, что они нам открывают и о чем умалчивают. Подробно анализируя, используя их, А.Б. предупреждает нас (в одной из редких бесед, доступных французскому читателю): «Les documents peuvent mentir!» («Документы могут лгать!»)¹.

¹ В этой интересной беседе с G. Piron и T. Obrecht, опубликованной в каталоге к выставке «Goulag, le peuple des zeks», Musée ethnographique de Genève, 12 mars 2004. 2 janvier 2005» St. 81–84, Арсений Рогинский упоминает справку о смерти отца, которую его мать получила после XX съезда. В справке отмечалось, что отец А.Б. скончался в 1944 г., в то время как был вторично арестован в 1951 г., после чего пропал без вести. «Этот факт меня страшно поразил, я понял, как непосредственно фабриковалась историческая фальсификация и как человек мог бесследно исчезнуть».

Второй образец работ Арсения Борисовича – его (часто в соавторстве) основополагающие статьи о сталинских репрессиях, напечатанные в малотиражных, скромных, не переизданных, труднодоступных сборниках. Я всегда рекомендую студентам «Польскую операцию НКВД» (соавтор Н.В. Петров), «Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг.» (соавтор О.А. Горланов), «Из истории немецкой операции НКВД 1937–1938 гг.» (соавтор Н.Г. Охотин)². В них сочетаются введение в научный оборот уникального, важнейшего комплекса новых документов из недр ведомственных, до сих пор недоступных архивов и блестящий анализ вкладов и пробелов этих же документов. В каждой из статей А.Б. интереснейший анализ источников, специфики информации, которую они содержат, рекомендации о работе историка с такого рода документами.

Третий образец работ Арсения Борисовича – его «тезисные выступления». В коротких, сжатых устных выступлениях А.Б. доступно излагает подлинно глубокие суждения. Казалось бы очевидные, порой даже банальные, но в изложении Арсения Борисовича приобретающие новый, как бы «переосмысленный смысл». Всем советую еще раз перечитать выступление Арсения Борисовича на первой конференции, посвященной сталинизму в декабре 2007 г., «Память о сталинизме».

«Память о сталинизме – это почти всегда память о жертвах – не о преступлении»;

«... мы убивали в основном своих, и сознание отказывается принимать этот факт. В памяти о терроре мы не в состоянии распределить главные роли, не в состоянии расставить по местам местоимения «мы» и «они». Эта невозможность отчуждения зла и является главным препятствием к формированию полноценной памяти о терроре»;

«Пусть мы во многом уже разобрались, представляем себе механику репрессий довольно точно, главное от нас ускользает. Мы никуда не ушли от оценок, типичных для поколения моей матери. Мы все еще бросаем на одну чашу весов достижения советской власти, на другую – террор. Мы все еще судим о прошлом, оставаясь в плену у этой дилеммы»³.

Знание исторических фактов становится все более полным, осмысление их требует дальнейших исследований. Труд историка – сизифов труд!

Спасибо, дорогой Арсений Борисович, за Ваш труд, за Ваш вклад, за Ваш интерес и любовь к истории.

² Первые две статьи опубликованы в сборнике «Репрессии против поляков и польских граждан» (М.: Звенья, 1997), третья – в сборнике «Наказанный народ» (М.: Звенья, 1999).

³ Из беседы А.Б. Рогинского с Geneviève Piron и Thérèse Obrecht 12 сентября 2003 г.

ИСТОРИЯ

11 **Научные труды**

191 **Публикации**

Архивы КГБ: год после путча¹

Статья написана в соавторстве с Н.Г. Охотиным

Проблема архивов КГБ передвинул ась с периферии общественного сознания в его центр в середине 1970-х годов. Мощнейший толчок здесь – солженицынский «Архипелаг», преодолевший государственный запрет на историческую память (символом которого как раз и были недоступные архивы госбезопасности) и основанный не на официальных документах, а на устных рассказах, дневниках, воспоминаниях, письмах бывших заключенных. Что же касается архивов, то им автор посвятил несколько горьких фраз в предисловии: «...мне не досталось читать документов. Но кому-нибудь когда-нибудь достанется ли?.. У тех, не желающих вспоминать, довольно уже было (и еще будет) времени уничтожить все документы дочиства». Книга была издана в декабре 1973 года в Париже, и уже 13 февраля 1974 года, в день высылки Солженицына из страны, появилось знаменитое «Московское обращение», подписанное десятью правозащитниками (А. Сахаровым, П. Литвиновым, А. Марченко, Л. Богораз и другими). Среди требований в нем были не только издание «Архипелага ГУЛАГ» в СССР, но и публикация архивных материалов, которые бы дали полную картину деятельности ЧК–КГБ.

Это последнее требование – открыть архивы КГБ и предать гласности преступления режима – в течение следующего десятилетия стало важной составляющей диссидентских заявлений властям. Конечно же, все эти требования носили декларативный характер, вряд ли кто верил в их реализацию, по крайней мере на своем веку.

Новая ситуация возникла на первом этапе перестройки. Не будет преувеличением сказать, что в 1987–1989 гг. передний край борьбы между стремящейся сохранить свои позиции партийной идеологией и, казалось, внезапно и ниоткуда возникшими новыми общественными силами, стремящимися к переменам, проходил через историю. Тут было два основных вопроса – какой период советской эпохи являлся периодом массовых репрессий и кто виновник политического террора. Ответы, с точки зрения общества, должны были дать архивы КГБ – свидетели преступлений, совершенных властью. И довольно рано стало очевидно, что следом за двумя «историческими» вопросами (и в зависимости от ответов на них) будет поставлен третий – о праве партии и КГБ на управление страной. Поэтому лозунг «открыть архивы КГБ», постоянный и один из важнейших

¹ Впервые опубликовано в кн.: Rusland heute: von innen gesehen : Politik. Recht. Kultur. Moskau; Bremen, 1992. Сборник статей российских исследователей к 10-летию Института Восточной Европы при Бременском университете. Сост. А.Б. Рогинский.

на демократических митингах конца 1980-х годов, носил отчетливо выраженный политический характер.

Тот же подтекст имел и выдвинутый в 1988–1989 гг. «альтернативный» правительственному проект Закона об архивах, подготовленный учеными Московского историко-архивного института. Проект предусматривал создание единого государственного архивного фонда, куда вошли бы на равных правах все архивы (включая КГБ и КПСС)², демократизацию доступа в них исследователей, установление четких сроков для рассекречивания документов. В этот же период начинают основываться негосударственные архивы, декларировавшие принцип общедоступности. Среди них особое значение имел архив «Мемориала», целенаправленно комплектовавшийся материалами о терроре – письмами, воспоминаниями, анкетами бывших заключенных – и тем самым символически противопоставивший себя наглухо закрытому от народа архиву КГБ. Все это были шаги в политической борьбе с властью за историю. Общество наступало, власть, хотя и с боями, но, месяц за месяцем, отступала. За несколько лет была пройдена эволюция от хрущевских истолкований (эпоха репрессий – 1937-й год, виновник – Сталин и его подручные) до нынешнего почти общепризнанного: репрессии – весь период большевистского правления, виновник – КПСС. Юридические точки были расставлены после путча – Законом о реабилитации жертв политических репрессий (18.10.1991) и Указом Ельцина (06.11.1992) о ликвидации структур КПСС на территории России.

Борьба конца 80-х вызвала к жизни тысячи исторических публикаций, в центре которых была проблема сталинизма (понятие это толковалось все более и более расширительно), заставила государственные архивы рассекретить часть своих фондов по советской эпохе, но практически не затронула архивов партии и КГБ. С 1988 года кое-какие материалы оттуда стали появляться в печати, но, как правило, они касались наиболее важных (с точки зрения власти) лиц, в них были очевидные умолчания, да и готовились они узким кругом особо «надежных» партийных историков, так что, призванные смягчить ситуацию и продемонстрировать готовность партии к восстановлению справедливости, публикации эти зачастую вызывали у читателя прямо противоположную реакцию. Скептически были встречены и результаты трудов нескольких историков, допущенных до работы с засекреченными фондами ГУЛАГа. Представленные ими данные о количественных параметрах репрессий казались намеренно заниженными (не в последнюю

² Для советской архивной системы характерно разделение хранилищ государственного архивного фонда на собственно государственные (т.е. подчиненные специальной государственной архивной службе) и ведомственные (подчиненные целиком или частично тому или иному учреждению). Обычно учреждения через определенный срок (в среднем 10–20 лет) обязаны сдавать свои материалы в какой-либо государственный архив, и лишь очень немногие из них (Министерства обороны, Министерства иностранных дел и т.п.) имеют право постоянно хранить свои документы у себя. Органы госбезопасности никогда не сдавали свои материалы на государственное хранение, хотя только в 1979 году они получили на это формальное право (см. секретное Постановление Совета Министров СССР от 10 августа 1979 г. N 769–236). Архивы же КПСС вообще не считались частью Государственного архивного фонда.

очередь из-за отсутствия каких бы то ни было указаний на источники) и лишь усилили раздражение и недоверие к власти, по-прежнему, по мнению общества, утаивавшей правду о прошлом.

Эти чувства не смог рассеять и активно развернувшийся с 1989 года процесс реабилитации жертв политических репрессий. Власть слишком явно (и неуклюже) стремилась использовать реабилитацию как отдушину для снятия общественного напряжения, слишком откровенно пропагандировала свою «огромную и кропотливую» работу в этой области, в то время как общество с полным основанием приписывало начавшуюся реабилитацию своему давлению и никак не склонно было благодарить за нее партию и КГБ. Главное же было в том, что власть катастрофически не поспевала за развитием исторического самосознания общества и хотя постоянно расширяла хронологические рамки реабилитации, но так и не решилась признать безвинно пострадавшими жертв первых лет советской власти и политзаключенных послесталинской эпохи. И конечно же, процесс реабилитации никак не решал проблему доступа в закрытые архивы.

Тут, однако, надо отметить, что последняя проблема в 1990 году отступает на задний план. К этому времени общество (по крайней мере наиболее активная его часть) уже нашло свои ответы на волновавшие его «исторические вопросы» и большевистский исторический миф стал сменяться в массовом сознании противоположным – мифом о благоденствовавшей стране, которую погубила Октябрьская революция. Лозунг «открыть архивы КГБ» не сходит с повестки дня, но в политическом плане становится как бы ассистирующим другому, более радикальному лозунгу – «долгой КГБ». Конечно, его этическая сторона – требование полной, без изъятий правды о судьбах жертв террора – ни в коей мере не потеряла своего значения, а громадный эмоциональный заряд, содержащийся в нем, поддерживал его актуальность и в дальнейшем.

Примерно с этого же времени стали происходить некоторые мелкие изменения во взаимоотношениях между КГБ и обществом по части архивов: КГБ от полной закрытости перешел к принципу «спрашивайте – отвечаем» (затушевывая тем самым вопрос о доступе к своим хранилищам). С лета 1990-го начали знакомить с уголовными делами³ (но, как правило, не в полном объеме, а выборочно, «из своих рук») бывших репрессированных или их родственников. По их запросам, а также по запросам официальных учреждений стали давать более подробные и более правдивые, чем раньше, письменные ответы о судьбах людей.

О доступе же исследователей к архивам КГБ по-прежнему говорить не приходилось. Они могли рассчитывать, что каким-либо образом, через организацию или через родных репрессированного, получат ответ на конкретный вопрос о конкретном лице – жертве репрессий: о дате ареста, гибели, с меньшей вероятностью – о том, кто еще проходил по делу. Но и все. Уже адекватность передачи существа обвинения в ответах КГБ вызывала

³ Под уголовным делом мы понимаем дело, содержащее материалы предварительного следствия и судебной (или квазисудебной) процедуры.

большие сомнения. И еще большие сомнения вызывали ответы о наличии или отсутствии в архиве тех или иных сведений.

Показательна история с ответами про Рауля Валленберга – шведского дипломата, исчезнувшего в советской тюрьме. После многолетних официальных заявлений об отсутствии в архивах КГБ каких-либо новых (по сравнению с 1957 годом) данных о нем, в 1989-м родственникам вернули «только что обнаруженные» личные документы и вещи Валленберга. И заявили – ну, теперь все, больше ничего нет. А осенью 1991-го, после путча, когда пришел приказ свыше, тут же нашлось несколько неведомых раньше (и важных!) упоминаний. И где же? В регистрационных тюремных книгах, куда, по элементарной архивной логике, прежде всего следовало заглянуть и которые, по более ранним заявлениям, были уже давно «полистно просмотрены». Так что принцип «спрашивайте – отвечаем» (возникший не вдруг, а постепенно, каждый шаг здесь был результатом целенаправленного общественного давления) в сущности мало кого мог удовлетворить, и историков меньше всех. В этот период (1990–1991) у КГБ объявилась и новая аргументация отказа в доступе к своим материалам – юридическая. «Вы ведь знаете, у нас на всех документах гриф «секретно». Вот снимут, тогда...». Или: «Вот примет Верховный Совет новый архивный закон, тогда...». Эта казуистика предпоследнего руководителя КГБ подкреплялась рассуждениями о «правовом государстве», «необходимости соблюдения законов» и т.п. И совершенно неясно было, кто и как снимет с документов эти грифы и когда будет принят Закон об архивах, откладываясь с сессии на сессию как в союзном, так и в российском парламентах⁴. И хотя общественное напряжение вокруг архивов КГБ сохранялось, серьезного перелома в ситуации не предвиделось.

Все изменилось в августе 1991 года, когда через три дня после путча (24 августа) появились Указы Президента России о передаче архивов КПСС и КГБ на государственное хранение (т.е. в ведение государственных архивных служб).

Наступательное и пока еще деловитое настроение победившей демократии и растерянность бюрократических структур, подозревавшихся в участии в путче или в сочувствии ему, позволили сразу же после выхода августовских указов предпринять ряд шагов, направленных на их реализацию.

В конце августа новый руководитель КГБ СССР В.В. Бакатин, начальник Российской службы безопасности В.В. Иваненко и председатель Российского комитета по делам архивов Р.Г. Пихоя разослали по местным органам ГБ и в местные архивные службы директивную шифротелеграмму, в которой определялись основные фонды, подлежащие передаче из архивов ГБ на госхранение, и назывался персональный состав Комиссии, призванной организовывать эту работу в центре. Принцип формирования этой комиссии

⁴ Законодательные акты об архивах, информации, тайне (государственной и личной) не приняты парламентом до сих пор. Это значительно осложняет любую нормотворческую работу, касающуюся архивов КГБ.

(и предполагаемых комиссий на местах) был сугубо ведомственный: основной ее костяк составляли представители архивных служб и органов ГБ. Ни депутатов, ни представителей общественности, ни независимых экспертов в нее не включили – новая исполнительная власть, видимо, считала, что со своими проблемами она может справиться самостоятельно.

По другому пути пошли, кажется, только в Москве. 27 августа вышло распоряжение мэра Москвы Г.Х. Попова о передаче в ведение архивной службы московского партархива и архива московского управления КГБ. В отличие от центральной, в московскую Комиссию по передаче архивов вошли кроме представителей архивного управления депутаты, историки, эксперты из Историко-архивного института, представители общества «Мемориал» (председателем стал ректор Историко-архивного института Ю.Н. Афанасьев, один из лидеров демократов эпохи перестройки). Госбезопасность же, как инспектируемая сторона, в комиссии представительства не получила.

Надо сказать, что динамика ближайших событий в какой-то мере определялась именно скептическим отношением членов московской комиссии к межведомственному характеру комиссии центральной и их возмущением по поводу включения в эту последнюю некоторых одиозных фигур из Главного архивного управления при Совете Министров СССР (ведомства, доживавшего тогда свои последние дни). После неоднократных обращений московской комиссии, подкрепленных затем ходатайствами двух комитетов Верховного Совета РСФСР (по правам человека и по международным делам), Постановлением Президиума Верховного Совета России 14 октября 1991 года была сформирована новая (de facto – парламентская) Комиссия по организации передачи–приема архивов КПСС и КГБ СССР на государственное хранение и их использованию (далее Комиссия). По своему составу она была достаточно представительной и в целом либеральной. Кроме представителей ведомств в нее вошли более 20 народных депутатов РСФСР и СССР (в частности, Ю.Н. Афанасьев, С.А. Ковалев, В.С. Полосин, В.Л. Шейнис, Г.П. Якунин), а в экспертном совете оказались достаточно авторитетные ученые, архивисты и журналисты. Комиссию возглавили известный историк, советник Президента Д.А. Волкогонов и Р.Г. Пихоя. Среди задач Комиссии (и это было существенной новацией) было обозначено создание временного Регламента использования архивов КГБ и КПСС, что позволяло Комиссии не только контролировать процесс передачи, но и определять дальнейшую архивную политику по отношению к передаваемым фондам.

Деятельность Комиссии в отношении архивов КГБ началась с попыток определить категории материалов, подлежащих передаче, а также сроки и этапы их физического перемещения. Предложения передающей стороны, естественно, не могли быть восприняты не критически, и рабочая группа Комиссии, состоящая в основном из экспертов, приняла на себя задачу ознакомиться с материалами Центрального архива КГБ и его филиалов. Эта работа продолжалась всю осень и зиму 1991–1992 годов. При этом немалым

подспорьем был опыт, приобретенный московской комиссией (некоторые члены которой, в том числе и авторы этой статьи, стали экспертами Центральной Комиссии) в процессе изучения архива Московского УКГБ в сентябре–октябре 1991 года.

В рамках этой статьи невозможно, да и неуместно давать сколько-нибудь подробный обзор архивов госбезопасности⁵. Мы ограничимся здесь лишь кратким описанием основных категорий материалов, судьба которых решалась Комиссией. Мы используем классификацию, принятую в архивах КГБ, поскольку именно она (несмотря на ее видимое несовершенство) легла в основу всех принимаемых Комиссией решений.

Архивные материалы КГБ можно подразделить на несколько основных блоков.

1. *Оперативный фонд*. В свою очередь он распадается на две основных категории дел: дела оперативного учета и дела агентуры.

Первая из этих категорий – это разного рода «досье» на граждан; в них сосредоточены материалы по учету, проверке или более глубокой «разработке» отдельных лиц или групп, так или иначе подозрительных с точки зрения органов госбезопасности. Характерная черта дел этого рода – наличие в них материалов наружного наблюдения, прослушивания, перлюстрации, резюме агентурных донесений и т.п.

Во вторую категорию оперативных дел входят личные и рабочие дела агентов. Это ключ к системе тайной агентуры, основному инструменту сыска. В личном деле агента содержатся биографические данные о нем, сведения о его вербовке, проверке и аттестации его работы. Параллельно ведется «рабочее» дело агента, куда складываются подлинники его донесений, при этом копии или рефераты этих донесений расходятся по делам оперативного учета, в разработку которых он включен.

⁵ Сеть архивов КГБ, недостаточно стройная и до 1991 года, в настоящее время, в связи с расформированием самого Комитета на ряд отдельных ведомств, а также в связи с распадом Союза, запуталась еще больше.

К началу 1991 г. существовал Центральный оперативный архив с несколькими филиалами, а в большинстве территориальных управлений были свои архивы. В ряде региональных органов (Прибалтика, Дальний Восток) своих архивов не было, архивные материалы из этих регионов частично свозились, видимо, по соображениям военной опасности, в объединенные архивы в глубине российской территории. Кроме того, некоторые спецслужбы центрального аппарата, теперь ставшие отдельными организациями, имели свои хранилища, территориально и/или юридически независимые от центрального архива (например свой архив имели 1-е главное управление – ныне Служба внешней разведки, 340 тыс. дел; 8 и 16 главные управления, ныне Комитет правительственной связи, 100 тыс. дел, и т.п., всего около 500 тыс. дел.). По общим оценкам суммарный объем архивов КГБ СССР составлял 9,5 млн дел, а включая архивы спецслужб – 10 млн. На территории России из них осталось 5 млн с небольшим.

Лишь для части документов Центрального архива сделана страховая копия (на микрофильмах). Вопрос же о наличии архивной информации в электронных банках данных КГБ нами пока не изучен.

Оперативный фонд сравнительно невелик (в Центральном архиве всего несколько тысяч единиц хранения): это результат неоднократных плановых и специальных чисток, последняя из которых относится к 1989–1991 годам).

2. *Фонд архивных уголовных (следственных) дел.* Сюда входят дела на лиц, у которых предварительное следствие вели органы госбезопасности (т.е. подозреваемых в совершении особо опасных государственных преступлений). Это юридически оформленный результат следственных действий, начатых, хотя бы формально, с санкции прокурора и приводящих к судебному (или административному) решению об осуждении или оправдании данного лица (или группы лиц). В составе такого дела помимо анкетных данных о человеке содержатся протоколы допросов, очных ставок, экспертиз, постановления о ведении дела на разных его стадиях, обвинительное заключение, приговор или заменяющее его решение, материалы, приобщенные к делу. Оперативных материалов в таком деле, как правило, нет. После окончания дела оно постоянно хранится в архиве того органа госбезопасности, который вел его производство. В Центральном архиве и его филиалах фонд уголовных дел составляет около 100 тыс. единиц хранения. Число таких дел по СССР точно не определено – его порядок задается числом лиц, совершивших «контрреволюционные преступления» и проходящих по имеющимся архивно-следственным делам – по сведениям КГБ около 4 200 000 (для примера – в Московском управлении КГБ таких дел 110 тысяч, в Краснодарском – более 200 тысяч).

К материалам уголовных дел примыкают протоколы заседаний внесудебных органов: коллегий ЧК–ГПУ, Особого совещания при НКВД, «троек» на местах etc. (в одном только Центральном архиве и его филиалах подобных протоколов около 11 тыс. единиц хранения), материалы комиссий по пересмотру уголовных дел, сборники актов о приведении в исполнение смертных приговоров (400 томов) и некоторые другие материалы.

3. *Фонд секретного делопроизводства (СД).* Это документы по организации деятельности органов госбезопасности с 1917 по 1989 г. (материалы последних двух лет в архивы еще не сданы). Сюда входят распорядительные и методические документы (приказы, директивы, указания, циркуляры, инструкции) и текущая документация (планы и отчеты подразделений, внутренняя и внешняя переписка по общим вопросам и по конкретным мероприятиям, информационные сообщения и сводки, статистика, аналитические материалы и т.п.). Документы сгруппированы по годам, внутри года – в установленной иерархии подразделений. Руководящие материалы (приказы), выделенные в отдельный фонд, сгруппированы так же погодно, внутри года – по степени секретности (есть также тематические подборки приказов). К фонду СД примыкают отдельные коллекционные фонды, отражающие деятельность некоторых подразделений органов госбезопасности более подробно (например, Тюремного отдела НКВД, Командатуры Московского Кремля, Особой инспекции и т.п.). В Центральном архиве и его филиалах содержится более 300 тысяч дел СД (надо отметить,

что в местных органах ГБ дел этого рода относительно мало: например, в Московском управлении – всего 19 тысяч).

4. *Фонд личных дел сотрудников.* Личные дела сотрудников в основе своей не отличаются от любых других кадровых материалов. Существенное отличие только в одном: в регулярную аттестацию офицера или служащего органов госбезопасности входит (впрочем, не всегда) его тщательная негласная проверка, включая проверку родственников и знакомых. Личные дела работников центрального аппарата и руководящего состава территориальных органов хранятся в Центральном архиве (около 370 тысяч дел), остальные – в соответствующих территориальных архивах. К личным делам сотрудников примыкают их пенсионные дела.

5. *Фильтрационный фонд.* По существу, это отдельная коллекция учетно-проверочных материалов⁶, некогда имевших оперативное значение, но ныне потерявших его. Фильтрационные дела заводились на граждан СССР, во время и после Великой Отечественной войны вернувшихся из-за границы (из эмиграции, из плена, с принудительных работ etc.). Таких дел по стране – несколько миллионов и они распределены исключительно по архивам территориальных органов госбезопасности (например, в архиве московского управления таких дел – около 55 тыс.). Характерный признак подобных дел – сравнительно малый объем (в среднем несколько десятков листов) и сводный, обьективированный характер информации, т.е. отсутствие (или минимальное наличие) в них собственно оперативных материалов. В фильтрационное дело нередко входят трофейные учетные материалы, почерпнутые из канцелярий захваченных немецких концлагерей, магистратур и т.п.

В процессе изучения архивных материалов перед Комиссиями, естественно встала задача проверить – соответствуют ли действительности слухи об уничтожении архивных материалов КГБ. Реальность оказалась более будничной и одновременно более катастрофической, чем можно было предположить.

С конца 1920-х годов в органах безопасности регулярно издавались Инструкции по ведомственному архивному производству, а также Перечни всех видов материалов с указанием сроков их хранения. Основопологающим для этих перечней являлся взгляд на архивы ГБ как на собрание сугубо оперативных, служебных документов безотносительно к их историческому и культурному значению. Как и в других ведомствах, многие документы

⁶ Помимо фильтрационного фонда в архивах КГБ существуют также иные коллекции учетных материалов: фонд учетно-проверочных дел на немцев, задержанных на территории Германии в 1945–1946 гг. (128 тысяч), учетные дела на бывших царских чиновников и белых офицеров (26 тысяч) и некоторые другие, все, впрочем, очень небольшие по объему.

имели ограниченный срок хранения и уничтожались прямо в действующих подразделениях по миновании в них непосредственной оперативной надобности. В архив же попадали те документы, которые обладали наибольшей оперативной значимостью, и, несмотря на то, что временно были лишены актуальности, в любую минуту могли быть востребованы. Материалы, поступающие в архив, в основном имели длительные или постоянные сроки хранения. Эта тенденция, в частности, оказалась спасительной для уголовных дел, которые в органах ГБ хранились постоянно, в отличие от обычных судов, где такие дела через определенное количество лет уничтожали, сохраняя лишь основные процессуальные документы. Таким образом на протяжении всех лет советской власти уничтожение документов шло, но, как правило, это было рутинное канцелярское уничтожение в полном соответствии с инструкциями, лишенное какой-либо особой «злонамеренности». Исключения составляют несколько периодов.

Первый – перед войной, когда после прихода к руководству НКВД Л.П.Берии был отдан приказ (1940 г.) об очистке архивов от «неучтенных» материалов. Насколько известно, в этой чистке погибло множество документов 1920–1930-х гг.

Затем – война, когда документы уничтожались под угрозой захвата противником или гибли в процессе эвакуации (так погибла, например, значительная часть архива Московского УНКВД).

С откровенно политическим обоснованием жгли документы в 1954–1955 гг., когда, одновременно с начавшимся массовым освобождением из лагерей, было приказано очистить архивы от документов, «порочащих честных советских граждан». В этот период уничтожались целые массивы документов – от дел агентуры до «сборников компрометирующих материалов». Кое-где на местах перестаравшиеся (или, скорее, перестраховавшиеся) чиновники ведомства сжигали даже следственные дела. Потребовалась специальная директива, чтобы прекратить эту лавину уничтожений.

Наконец, последняя эпоха. Сначала, в конце 1989-го, было отдано указание (едва ли не устное и, во всяком случае, противоречащее действующему в этот момент Перечню 1979 г.) отобрать в архивах и переслать в действующие подразделения для уничтожения все формы дел оперативного учета на граждан, подозревавшихся в «антисоветской агитации и пропаганде». Формальным поводом для уничтожения служила отмена (на самом деле переформулировка) соответствующей статьи из советского уголовного законодательства (ст. 70 УК РСФСР). Так погибли тысячи «досье» на инакомыслящих. Через год, в сентябре 1990-го, был издан приказ о массовой чистке дел агентуры. Впрочем, как и в случае с «досье», сотрудники ГБ могли сохранять дела, имеющие с их точки зрения «особую историческую ценность». Наконец, в ноябре 1990-го был введен новый Перечень с пересмотренными сроками хранения. Согласно ему, многие категории дел, ранее сдававшиеся в архив, теперь оставались в действующих подразделениях КГБ, где и уничтожались, а для целого ряда типов дел, находившихся в архиве, сроки хранения были сокращены. Трудно переоценить урон, нанесенный архивам КГБ этим новым Перечнем. На его реализацию В.А. Крючковым был отпу-

щен срок до 1 июля 1991 года, и весь этот период во всех управлениях КГБ шло интенсивное уничтожение документов (в первую очередь оперативных фондов).

Нет никаких сомнений в том, что истинными мотивами приказов Крючкова был страх за завтрашний день КГБ.

Таким образом, циркулировавшие в обществе слухи о том, что «в КГБ жгут», во многом, хотя и далеко не во всем, подтвердились.

Жгли ли документы КГБ во время путча? Не сомневаемся, что да, хотя полагаем, что уничтожение коснулось скорее не архивов, а сейфов сотрудников. Неопровержимым свидетельством служит официальная справка, выданная писателю В.Н. Войновичу об уничтожении его оперативного дела 20 (!!!) августа. Вряд ли дело Войновича было единственным, сожженным в те дни.

Одним из первых указаний вступившего в должность Председателя КГБ СССР В.В. Бакатина было запрещение уничтожать любые документы. Это выглядело естественным в обстановке начавшегося расследования только что прошедших событий. Авторы этой статьи могут удостоверить, что по крайней мере в архивах Московского УКГБ и КГБ СССР это указание соблюдалось. Между тем осенью из регионов стали доходить смутные слухи о продолжающемся уничтожении. Обеспокоенные этим члены Комиссии по архивам КГБ обратились к Бакатину, ответившему, что «это невозможно». В ноябре–декабре на заседаниях парламентской Комиссии по крайней мере дважды ставился вопрос (С.А. Ковалевым) о необходимости издать дополнительное распоряжение на эту тему, однако руководителям Комиссии в контексте заверений Бакатина это требование, по-видимому, показалось неактуальным. И лишь через полгода, почти случайно, выяснилось, что имели место во всяком случае две директивы, противоречащие бакатинскому указанию.

21 сентября 1991 г. заместитель Бакатина А.А. Алейников специальной шифротелеграммой распорядился: в связи с ликвидацией соответствующего направления в работе органов КГБ уничтожить значительную часть дел (агентурных и «досье») по «церковной линии», хранившихся в действующих подразделениях.

Гораздо серьезнее другой факт. 9 октября 1991 г. в региональные управления органов госбезопасности России была направлена за подписью генерала В.А. Поделякина, заместителя директора Агентства федеральной безопасности РСФСР (бывшего КГБ РСФСР), директива о снятии ограничения на уничтожение оперативных документов. Тем самым крючковский Перечень от ноября 1990 г. был снова введен в действие и предусмотренное им уничтожение документов по срокам хранения возобновилось (впрочем, далеко не везде и достаточно вяло). Приказ Поделякина может быть объяснен разве что соперничеством в этот момент АФБ РСФСР и КГБ СССР, но, с нашей точки зрения, вряд ли может быть оправдан. (Впрочем, на сегодняшний день и Бакатин, не ведавший, возможно, об указании Поделякина, и сам Поделякин, и Алейников – уже потеряли свои должности в госбезопасности.)

Однозначный запрет на уничтожение документов, как в архивах, так и в действующих подразделениях органов безопасности, вплоть до издания

нового Перечня с пересмотренными сроками хранения впервые был четко зафиксирован в Решении Комиссии от 23.01.1992, перешел оттуда в ведомственное указание от 03.02.1992 и, насколько нам известно, действует до сих пор.

Решение Комиссии от 23 января 1992 г. – первый официальный результат ее работы – определяло виды передаваемых на госхранение материалов и устанавливало некоторые механизмы этой передачи. О доступе к документам в решении ничего не говорилось, так как предполагалось, что Регламент доступа станет предметом отдельного рассмотрения комиссии приблизительно в конце весны – начале лета 1992 г. Не был рассмотрен вопрос и об оперативных фондах (о делах агентов и о «досье» на граждан). Было сказано только, что эти типы документов следует изучить и принять по ним решение позднее. Отметим сразу, что решение в этой части выглядит совсем неубедительно: было неясно – как и на каких основаниях члены или эксперты Комиссии смогут изучить этот тип документации, и, одновременно, было очевидно, что судьба этих документов в принципе не может быть решена парламентской комиссией и требует решения собственно парламента. Решение не затрагивало архивы тех подразделений КГБ, которые хранили свои материалы отдельно от Центрального оперативного архива. Изучение всех этих массивов откладывалось на неопределенное время.

Суть решения сводилась к тому, что архивы КГБ (хотя это и не было напрямую продекларировано) во многом уравнивались с другими ведомственными архивами. Их право хранить у себя материалы ограничивалось 15 годами (с момента поступления этих материалов из действующих структур в ведомственный архив), а потом они были обязаны передавать документы на государственное хранение, в гражданский архив. Таким образом, согласно решению, передаче из архивов КГБ на государственное хранение подлежали:

- а) все «прекращенные» уголовные дела, т.е. дела, по которым уже состоялось реабилитирующее решение,
- б) «непрекращенные» уголовные дела со сроком давности 15 лет и более,
- в) фильтрационный фонд в полном объеме,
- г) материалы «секретного делопроизводства» со сроком давности 15 лет и более,
- д) личные дела сотрудников органов госбезопасности со сроком давности 30 лет (со времени увольнения) и более.

Естественно, что все фонды должны были передаваться со справочным аппаратом к ним.

Конечно, предполагались исключения. Например, среди бумаг групп «б» и «г», безусловно, были такие, которые, с точки зрения безопасности страны, или вследствие необходимости постоянного к ним обращения в работе органов ГБ, разумно было оставить по прежнему месту хранения и на срок свыше 15 лет (но, согласно решению, не больше чем на 30 лет). Речь тут может идти о делах, связанных, например, со шпионажем или с так

называемой организованной преступностью. С другой стороны, предполагалось, что материалы «по тем направлениям деятельности, которые не соответствуют Конституции России», должны быть переданы в полном объеме вне зависимости от сроков давности, т.е. вплоть до самого путча. Легко догадаться, что за этой формулой скрывалось стремление Комиссии изъять из КГБ и передать в госархивы все, что касалось деятельности КГБ как политической полиции. Однако уже тогда (в январе 1992 г.) было ясно, что задача эта из наитруднейших, и прямая постановка вопроса встретит сопротивление не только в начавшем оправляться от шока бакатинского правления КГБ (к этой минуте – уже МБ), но и в других влиятельных структурах, озабоченных «разрушением государственности».

Комиссия предложила и процедуру передачи. На местах, т.е. в каждой области, крае, автономной республике, в комиссии по выполнению президентского указа должны были войти «представители депутатского корпуса, общественности, специалисты-историки». Эти комиссии на местах призваны были контролировать работу межведомственных рабочих групп, состоящих из представителей архивных служб и органов безопасности, которые непосредственно осуществляют передачу. Участие в таких комиссиях депутатов и представителей общественных организаций виделось единственной гарантией от ведомственного сговора и давало надежду на то, что попытки что-то утаить будут пресекаться и становиться достоянием гласности.

Важнейший вопрос – куда передавать материалы КГБ. Во многих регионах свободных площадей в архивах не было, и архивы, как общие, так и партийные, ютились в старых и переполненных помещениях. И думать было нечего, чтобы присоединить туда еще 50–100 тысяч дел. При всем том Комиссия понимала, что время уходит, ситуация меняется, и отнюдь не в пользу процесса передачи, и если не начать эту передачу немедленно, то все дело будет поставлено под угрозу. Был предложен следующий выход: в случае, если у местных архивных органов в данный момент нет помещений для материалов КГБ, то документы принимаются местными архивистами по всем правилам приема из ведомственных архивов, но, пока не будет подыскано помещение, остаются на хранении на прежнем месте. Т.е. органы безопасности временно остаются хранителями, отвечают за физическое состояние документов, а местные архивные органы контролируют хранение и полностью отвечают за движение документов и их использование.

Вышеизложенное касалось региональных архивов. Что же до Москвы, то здесь было предложено Комиссией создать на базе двух архивов – Московского УКГБ и Центрального оперативного архива КГБ СССР – специальный государственный архива (рассчитанный примерно на 500–600 тысяч дел).

В целом решение в зависимости от позиции может быть оценено и как компромиссное (не затронуло ряд важнейших фондов), и как сверхрадикальное (регулярная передача архивов спецслужбы через очень маленький срок – всего 15 лет! – на госхранение). Важнее, однако, не эта внешняя оценка, а простой факт: в случае выполнения решения в госархивы попало бы не менее двух третей (кое-где до 80 %) архивных материалов КГБ.

Этого не произошло. Первым симптомом будущих неудач явилось составленное на основании решения Комиссии директивное письмо (03.02.1992) руководителей двух ведомств – Министерства безопасности и Комитета по архивам, разделившее процесс передачи на два этапа и отнесшее к первому два типа материалов – «прекращенные» уголовные дела и фильтрационный фонд. Остальное, согласно письму, должно передаваться позднее. Явная суженность этих указаний в сравнении с решением Комиссии, замалчивание в нем некоторых важнейших пунктов решения 23 января, таких, например, как создание в Москве Центрального архива документов КГБ, вызвали сразу же опасения скептиков, а не ограничится ли передача только «первым этапом». В то же время спорить с руководителями ведомств формально было невозможно – они имели полное право определять последовательность работы сами. Некоторые попытки расширить объемы первого этапа все же были предприняты, но успеха они не имели.

После января ближайшей задачей Комиссии виделось принятие регламента доступа к передаваемым материалам, прежде всего к уголовным делам.

После принятия Верховным Советом России Закона о реабилитации (18.10.1991) процесс массового ознакомления с делами (пока через органы госбезопасности) уже начался и успел вызвать и нарекания, и недоумения. Закон о реабилитации (ст. 11) разрешил знакомиться с делами только самим репрессированным и их родственникам. Ни о каких иных категориях граждан в Законе, естественно, не говорилось – подразумевалось, что вопрос об их допуске должен быть решен в каком-то другом законодательном акте, регламентирующем общий порядок пользования архивами. КГБ интерпретировал этот пункт закона ограничительно. С точки зрения КГБ с делами имели право знакомиться *исключительно* жертвы репрессий и их родственники (а также лица, официально уполномоченные ими). Таким образом, специалист по Бухарину по-прежнему не мог взглянуть на дело Бухарина, исследователь Кронштадтского восстания 1921 г. – на дела моряков, участвовавших в восстании, кинорежиссеру, создающему фильм о Мандельштаме, могли разрешить сфотографировать разве что обложку его дела и т.д. При всем том запрет осуществлялся далеко не последовательно – возникла специальная категория журналистов и историков, то ли особо приближенных к власти или КГБ (теперь эти понятия зачастую разделялись), то ли особо настойчивых, которых к документам подпускали (или предоставляли отдельные копии). Такое неравенство на фоне декларируемой в стране демократии раздражало ничуть не меньше, чем прежняя тотальная недоступность.

Разрабатываемый регламент должен был внести ясность в вопрос и четко определить, кто и на что имеет право.

Сразу же выявилось столкновение двух полярных точек зрения. Первая принадлежала сторонникам «чистого права». За пределами Комиссии ее отстаивал такой влиятельный юрист, как Борис Золотухин, председатель подкомитета по судебной реформе Верховного Совета России, в комиссии наиболее откровенными ее адептами стали Сергей Ковалев, председатель

Комитета по правам человека Верховного Совета, и Никита Петров, эксперт Комиссии, специалист по истории советских карательных органов. Общедоступным, считали они, должно стать все, что было или могло быть оглашено в открытом судебном заседании. Тот факт, что практически все политические процессы были закрытыми, а в большинстве случаев приговор выносился даже в отсутствие обвиняемого и внесудебными специальными органами (особые совещания, тройки и т.д.), лишь усугублял необходимость сегодняшнего восстановления нормы гласности судопроизводства, зафиксированной в Конституции. Таким образом, они требовали открыть доступ всем исследователям ко всем документам следственного, судебного и надзорного производств.

Куда больше было защитников другой позиции. Сводилась она к тому, что не следует расширять принципы допуска, зафиксированные Законом о реабилитации, причем в изложенном выше ограничительном толковании. Главные доводы (в основном выдвигаемые уже с 1990 г. сотрудниками органов ГБ) таковы: в делах есть показания, данные другими людьми против обвиняемых. Иногда там даже можно встретить прямые доносы, т.е. заявления в «органы» о той или иной «антисоветской деятельности» и/или высказываниях обвиняемых, послужившие основанием к аресту человека. Ставши известными, такие документы могут породить желание мести. Кровь 1930–1940-х может породить кровь 90-х.

Этот аргумент имеет свои резоны, однако в целом его нетрудно отвести. Ведь Закон о реабилитации уже разрешил жертвам репрессий и их родственникам, т.е. самым «заинтересованным в отмщении» категориям населения, знакомиться с делами и, насколько известно, не вызвал пока никаких кровавых эксцессов. Есть и исторический прецедент. В середине 1950-х на многие сотни тысяч вернувшихся из заключения на родину пришлось всего лишь несколько десятков попыток физического сведения счетов, причем почти исключительно на Украине и в Прибалтике, но не в России. А ведь свой доносчик или лжесвидетель был у каждого! Так что сегодня, когда острота переживания несравнима с болью сорокалетней давности, вероятность «эксцессов», кажется нам, ничтожно мала. К тому же за аргументом о мести чудится стремление власти скрыть от общества имена прокуроров, судей, следователей, оперработников – всех тех, кто виноват во всяком случае не меньше, чем лжесвидетель, который зачастую давал показания под пытками или под угрозой таковых.

Другие доводы в пользу ограничения досуга выглядели более убедительными и их следовало учесть.

Следственные дела могут содержать *личную тайну*. Понятие это в отечественном законодательстве никак не определено. Однако ясно, что под личной тайной имеются в виду какие-то факты, касающиеся личности, которые человек желает и имеет право сохранить втайне от общества. Например, что-то связанное с болезнью или с историей семьи. Обычный пример, который здесь приводили сотрудники КГБ, – сын, знакомящийся с делом отца и выясняющий, что родным его отцом является совсем другой человек, или узнающий какие-то такие факты взаимоотношений родителей, которые

заставляли его менять свое отношение к ним, и т.п. Известны случаи, когда эта внезапная информация приводила к трагическим последствиям.

Еще одно. В уголовных делах масса прямых и косвенных фальсификаций, они переполнены самоговорами и ложными показаниями в отношении других лиц, фактами самоунижений, предательств. И хотя, с одной стороны, очевидно, что причина их в жестоких методах ведения следствия, в угрозах казни или в угрозах преследования находившихся на свободе близких, но с другой – вся эта непереносимая атмосфера, хорошо известная из воспоминаний бывших заключенных, оставалась за пределами «дела», *она не была никак запротоколирована*. И надо обладать не только опытом историка-источниковеда, но и особым историческим и человеческим чутьем, чтобы адекватно воспринять и передать содержание уголовных дел, во всяком случае дел 1920–1950-х годов. Обнародование же вырванных из исторического и ситуационного контекста документов или фактов (а именно так обычно, к сожалению, поступают, например, многие журналисты) лишь затемняет истину и зачастую наносит моральную травму бывшим репрессированным или их потомкам.

Характерна позиция самих бывших репрессированных и членов их семей. Первый из трех перечисленных тезисов они решительно отвергают, требуя, наоборот, полной гласности в вопросе о виновниках репрессий. Одни при этом требуют и уголовного наказания для них, другие выступают лишь за обнародование имен (ср. популярное с момента появления романа А. Солженицына «В круге первом» – «страна должна знать своих стукачей»). При этом два других тезиса они в большинстве своем поддерживают.

На отношении бывших заключенных к проблеме доступа к уголовным делам сказались и изменения в общественном сознании. Во многих случаях подследственные 1930–1940-х годов. противопоставляли абсурдным обвинениям в терроре, вредительстве, антисоветской пропаганде свою преданность партии и идеям социализма, фиксируя ее, насколько возможно, в протоколах допросов, письмах в прокуратуру, ЦК, лично Сталину, в показаниях на судах (если таковые случались). Став известными во времена хрущевской «оттепели», такого рода заявления лишь прибавили бы авторитета бывшим заключенным. Сейчас же то, что казалось героическим и вызывало восхищение несколько десятилетий назад, зачастую воспринимается с иронией, в лучшем случае – с вежливым равнодушием, и бывших заключенных или их потомков отнюдь не привлекает перспектива стать объектом подобной реакции со стороны случайного читателя.

Таким образом, для них вопрос о доступе посторонних лиц к делам – это в большой степени вопрос о личной или семейной репутации. Одних беспокоят показания, данные обвиняемым против себя или других лиц, других – возникающий из материалов дела политический образ человека, третьих волнуют какие-то личные тайны, и почти все сходятся в том, что доступ к делам должен быть ограничен – слишком много в этих материалах такого, что не будет правильно понято ни исследователем, ни, тем более, журналистом. Кроме всего прочего, существует опасение (возможно, небезосновательное), что найдутся желающие манипулировать информацией из следственных дел в политических или иных целях.

Как видим, разработчики регламента оказались перед сложной проблемой. С одной стороны, следственные дела – безусловно источники государственного происхождения, это официальные документы, при решении вопроса о доступе к которым точка зрения бывших обвиняемых как будто может и не приниматься в расчет. С другой – казалось совершенно невозможным не учитывать точку зрения жертв репрессий. В конце концов – эти папки – их судьба, в эту трагедию они оказались вовлечены по вине государства, и не должно ли оно сейчас охранить их интересы, может быть, даже вопреки правовой логике? Здесь, нам кажется, как и в Законе о реабилитации, сошлись, мешая друг другу, мораль, история и право.

Следовало искать компромисс, т.е. выработать такие правила допуска, которые дали бы возможность исследователям работать с делами, но при этом учитывали волю репрессированных или членов их семей.

Принцип, положенный в основу регламента, основывался на самом составе уголовных дел. Дела эти включают в себя однотипные документы, которые могут быть поделены на две группы. Одна – это документы, против ознакомления посторонних лиц с которыми сейчас больше всего возражают репрессированные и их родственники: протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, протоколы очных ставок, личные письма и заявления арестованного и его родственников, документы из личного архива арестованного, изъятые при аресте и приобщенные к делу (все эти документы объединяются одной чертой – непосредственной причастностью подследственного к их созданию). Доступ исследователей к этой части дела, по замыслу разработчиков регламента, мог быть ограничен полностью или частично на срок не свыше 75 лет после вынесения приговора, по воле бывшего репрессированного, а в случае его смерти – его прямого наследника. Вне зависимости от воли реабилитированных граждан или их наследников исследователи могут знакомиться с другой группой документов: с постановлением об аресте, протоколами ареста, обысков с анкетой арестованного, с обвинительным заключением, приговором, с материалами судебного разбирательства, кассационного и надзорного производств, с документами об исполнении приговора (справка о расстреле или об отправлении в лагерь или ссылку), с материалами личного дела заключенного (если они приобщены к уголовному делу)⁷.

Это решение предполагалось довести до сведения репрессированных через газеты. Желание ограничить доступ к своему уголовному делу репрессированные или их наследники должны будут выразить специальным письмом в орган, осуществляющий хранение дела, или в орган, вынесший приговор. Если в течение двух лет такое письмо не поступило, дело стано-

⁷ Личное дело заключенного содержит материалы о пребывании человека в местах лишения свободы от момента ареста до освобождения (или смерти): документы о перемещениях по ГУЛАГу, о трудовой деятельности там, о состоянии здоровья, о наказаниях и т.д. Обычно личные дела заключенных хранятся в региональных архивах органов МВД. За исключением нескольких категорий (казненные, умершие в ГУЛАГе, потерявшие там трудоспособность, а также иностранцы и лица без гражданства). Они имеют ограниченный срок хранения.

вится доступным для всех. Этим также решается вопрос о допуске к делам тех, кого уже не было в живых и у кого отсутствовали наследники (в сегодняшней практике допуска к таким делам нет ни для кого).

К сожалению, этот проект был не только компромиссным, но и непоследовательным, пытавшимся совместить две крайности. Например, обвинительное заключение и приговор – наиболее официальные и публично произносимые на суде документы – также ведь содержат информацию, против распространения которой могут возразить реабилитированные. Но если ограничить доступ и к этим документам, то работа исследователя обесмыслится. Не говоря уж о том, что принцип гласности судопроизводства будет нарушен вторично (и окончательно).

Несмотря на очевидные слабости, проект казался его разработчикам более или менее удовлетворительным, устраивавшим как реабилитированных, которые имели право закрыть наиболее «острые» материалы, так и исследователей, которые даже после наложенных ограничений могли получить достаточно полное представление о существе дела.

5 июня 1992 г. проект был вынесен на заседание Комиссии, но принят ею не был. До голосования дело не дошло, так как было очевидно, что ни одна из точек зрения, в том числе и представленная проектом «центристская» (которую в основном разделяли авторы этой статьи), не получает преимущества. Комиссия предложила доработать проект «с учетом высказанных замечаний», самое конструктивное из которых – продумать ответственность исследователя за некорректное использование фактов и возможное нанесение морального ущерба репутации реабилитированного – вызвало ироническую усмешку у большинства присутствовавших (было очевидно, что из-за сложности и многообразия могущих возникнуть казусов, а также вследствие низкого уровня отечественного правосознания эта задача заведомо неразрешима).

При всех очевидных сложностях все-таки можно надеяться, что вопрос о доступе к материалам «прекращенного уголовного фонда» тем или иным образом будет решен в ближайшие месяцы.

Совсем другая ситуация с массивом документов, отражающих повседневную оперативную работу КГБ и прежде всего с делами агентов и с «досье» на граждан. Здесь позиция КГБ с самого начала была однозначной и решительной. «Агентов я не отдам», – заявил Бакатин в одном из первых своих интервью в роли шефа КГБ и затем неустанно повторял эту фразу в течение всей осени. Любопытно, что ни одна сколько-нибудь влиятельная общественно-политическая сила и не требовала передачи дел агентов или хотя бы просто публикации их имен. Скорее наоборот: выдвигались аргументы в поддержку бакатинской позиции – от «государственных» (ни одна спецслужба в мире не обходится без тайной агентуры; разрушив систему агентуры, мы разрушим саму спецслужбу, а она нужна стране) до чисто гуманистических (жаль людей, многие из которых становились агентами вследствие угроз и шантажа со стороны КГБ – Вл. Буковский). Общей же была ссылка на опасность провоцирования сведения счетов и на необходимость «гражданского мира». Серьезных дискуссий на эту

тему в печати не состоялось, и в целом к проблеме агентуры общество отнеслось равнодушно.

В январе, однако, случилось неожиданное. В газете «Россия» была опубликована подборка фрагментов из планов и отчетов 5-го управления КГБ за 1980-е годов. Как и последующие публикации такого рода, регулярно появлявшиеся в течение следующих месяцев в самом многотиражном печатном органе – в «Аргументах и фактах», она была подготовлена сотрудниками парламентской Комиссии по расследованию причин и обстоятельств путча на основе их занятий в архивах КГБ осенью – в начале зимы 1991 г. Представленные публике материалы давали представление о способах и формах слежки КГБ за оппозиционно настроенными гражданами и организациями, создавали впечатление о тотальной пронизанности общества агентурой КГБ. И хотя ни один из агентов в опубликованных отрывках не был назван по имени (фигурировали лишь псевдонимы), но иногда, при сличении псевдонимов и ситуаций, агентов можно было «вычислить». Например, с легкостью были атрибутированы в качестве агентов КГБ три видных иерарха Русской православной церкви, что, в свою очередь, вызвало целую волну новых статей и публикаций на тему «Церковь и КГБ». Одновременно возникли два скандала: вокруг Церкви и, что существеннее для нашей темы, вокруг самого факта публикации. Сразу же выяснилось, что все документы, отрывки из которых публиковали Лев Пономарев и священник Глеб Якунин (первый – руководитель Комиссии, второй – его ближайший сотрудник, оба – члены Верховного Совета и, одновременно, лидеры движения «Демократическая Россия»), имеют на себе грифы «секретно» и «совершенно секретно», и что публикация не санкционирована ни Верховным Советом, ни его Президиумом, а произведена на свой страх и риск. На упреки в «неэтичности» и «превышении полномочий» публикаторы отвечали в наступательном стиле и, защищенные депутатским мандатом, легко отмахивались от угроз и попыток привлечь их «к ответственности». Все это широко комментировалось в печати и способствовало созданию в обществе нового образа архивов КГБ – теперь уже архив стал восприниматься не только как свидетельство преступлений режима (репрессий), а в первую очередь как хранилище информации об агентуре или о гражданах, на которых эта агентура доносила.

Скандал вокруг публикаций Пономарева–Якунина еще только начинал разрастаться, как власти поспешили заполнить правовой вакуум новым Законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (13 марта 1992 г.)⁸.

Согласно этому закону, сведения о лицах, «сотрудничающих или сотрудничавших с органами <...> на конфиденциальной основе являются государственной тайной» и могут быть разглашены только с их согласия (Ст. 16). Что касается «досье», то гражданин, предполагающий наличие такового, «вправе истребовать <...> сведения о характере полученной в отношении его информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и

⁸ Стоит упомянуть также об изданном 14 января 1992 г. Указе Президента № 20, подтверждающем старые (союзные) формы секретности документов.

исключающих разглашение государственной тайны». Если же сведения покажутся требователю недостаточными или ему будет в них вообще отказано, можно обжаловать действия органов безопасности в суде.

Оставив в стороне критику этих статей закона (внешне корректных и цивилизованных, но по сути открывающих огромный простор для необоснованных сокрытий и умолчаний), отметим лишь важный для нас итог: ни к именам агентуры, ни к «досье» на себя граждане доступа не имеют. А если к этому добавить, что по тому же Закону «организация и тактика проведения оперативно-розыскных мероприятий составляет государственную тайну», то станет очевидно, что недоступны для них и такие документы, как планы и отчеты различных структур органов безопасности. Неясно, правда, в какой степени имеет этот закон обратную силу. Впрямую на этот счет сказано только об агентах («сотрудничающих или *сотрудничавших*»), однако пока что хранителем материалов – Министерством безопасности он истолкован как распространяющийся на прошлое и в части других материалов. И можно почти не сомневаться, что в случае, – необходимости МБ получит поддержку в виде соответствующего разъяснения (ограничительного характера) от Верховного Совета (во всяком случае – в нынешнем его составе). Таким образом, проблему доступа к материалам об оперативной работе КГБ на сегодняшний день можно считать решенной — *отрицательно*.

Итоги первого года непосредственной работы с архивами КГБ выглядят удручающими.

Процесс передачи–приема документов начался, в разных регионах он протекает с разной степенью активности (в зависимости от поддержки глав местных администраций, энергии руководителей архивных служб и позиции управлений госбезопасности), но в целом темпы его значительно отстают от намеченных, и если не увеличатся, то даже «первый этап» растянется в среднем по России еще примерно на год. Пока что заканчивается прием фильтрационного фонда и лишь кое-где переходят к приему уголовных дел.

Руководители архивных органов, съехавшиеся в середине июня 1992 г. в Москву на специально посвященное этому вопросу совещание, называли много причин, тормозящих передачу–прием документов, из которых главные, по их мнению, – отсутствие помещений и средств.

Указ Президента решал эти проблемы за счет КГБ, которому предписывалось передать архивы вместе со «зданиями, сооружениями, численностью и фондом оплаты труда». *И ничего из перечисленного не было выполнено ни КГБ, ни его правопреемниками.* Поэтому на местах фактически прием документов либо срывается вовсе, либо происходит за счет гражданских архивных учреждений, находящихся какие-то (совершенно недостаточные) средства и уплотняющих свои (и так, как правило, переполненные) архивы.

До сих пор не сдвинулась с мертвой точки ситуация с созданием Центрального архива – так же нет помещения и средств. Таким образом, в Москве, в отличие от регионов, прием документов КГБ (а здесь сосредоточены наиболее ценные фонды) не начат вовсе.

Казалось бы, в эту ситуацию должно вмешаться Правительство. Но оно отмалчивается и не только не требует с подчиненного ему КГБ выполнения президентского указа, но и само не выделяет никаких денежных субсидий.

Постепенно замирает активность парламентской Комиссии по передаче–приему документов, выполнившей лишь малую часть возложенных на нее задач.

Стоит упомянуть и о том, что на местах даже тот вялый процесс передачи, который имеет место в настоящее время, происходит без общественного контроля – представители общественных организаций в местные комиссии по передаче–приему так и не введены (за редкими исключениями).

Наконец, не принято никаких конструктивных решений относительно доступа к передаваемым материалам.

Каждая из этих отдельных неудач может найти и отдельное объяснение, однако, взятые вместе, они создают впечатление определенной закономерности, уходящей корнями еще в август 1991 г.

В эйфории первых послепутчевых дней, сразу вслед за опечатыванием зданий ЦК КПСС и сносом памятника Дзержинскому на Лубянской площади, прямо под окнами главного здания КГБ, два указа Ельцина – об архивах КПСС и архивах КГБ, изданные одновременно 24 августа, были восприняты как совершенно тождественные по смыслу и однонаправленные. Между тем будущее показало, что мотивы появления этих указов были во многом различны.

Деятельность компартии на территории России уже была приостановлена Ельциным накануне, 23 августа, и передача партархивов стала дополнительным весомым подтверждением его твердого намерения поставить точку в вопросе о КПСС (что он и осуществил два с половиной месяца спустя). В то же время указ об архивах КГБ носил скорее тактический и символический характер, соединив в себе и ответ Президента России на призывы общества «открыть архивы КГБ» (удовлетворив тем самым хотя бы частично требования радикалов «покончить с КГБ»), и его живую реакцию на участие руководителей КГБ в путче (скорее всего ему казалось, что в архивах найдутся важные свидетельства о подготовке переворота), и очередной шаг в возобновлявшейся, хотя уже и с иным перевесом сил, борьбе России с Центром (оставляя пока КГБ Горбачеву, забрать себе одну из важнейших его структур). Таким образом, в основании Указа об архивах КГБ лежало стремление решить сиюминутные политические задачи; дальнейшей стратегии, в отличие от Указа об архивах КПСС, в нем не было. Это и естественно: Ельцин вовсе не собирался ликвидировать КГБ (как КПСС); с его точки зрения, это ведомство следовало лишь переподчинить и реформировать, лишив функций политической полиции и разукрупнив. Однако, как показал прошедший год, решить проблему архивов КГБ, не решая коренным образом проблему КГБ в целом, оказалось крайне затруднительным, если не невозможным.

Двойственность президентского указа была почти сразу осознана обоими ведомствами, которые должны были его исполнять (КГБ и Роскомархивом),

и во многом определила их дальнейшую деятельность (пассивность одного и вялую активность другого) по организации передачи–приема документов. Конечно, интересы ведомств были здесь изначально противоположны, но в конце концов оба они стремились уловить «высшие тенденции» и не войти с ними в противоречие, при этом для обоих крайне неудобным было участие в процессе передачи независимых сил – депутатов и представителей общественности. (В этом контексте только и можно понять назначение руководителями парламентской комиссии двух высоких должностных лиц из исполнительных властных структур – Советника Президента и Председателя Комитета по архивам.)

Осень 1991-го – это время смуты и растерянности в КГБ, вызванных резкими оргструктурными и кадровыми перетрясками Бакатина, проходившими на фоне яростного перетягивания каната между российской и союзной службами, работы многочисленных прокурорских и депутатских комиссий (выяснявших причастность КГБ к путчу), а также не спавшей еще общественной активности, выразившейся, в частности, в широкой газетной кампании против КГБ. Если бы передача документов началась в этот период, то, возможно, она имела бы большие шансы на успех, чем в последующем, однако не была еще проделана предварительная работа по оценке фондов, не были созданы чисто хозяйственные условия для передачи.

В декабре–январе ситуация радикально изменилась. Соглашения в Беловежской пуще зафиксировали конец СССР, вслед за этим Межреспубликанская служба безопасности (преемник КГБ СССР) была преобразована в Министерство безопасности России. На смену «разрушителю» Бакатину пришел близкий Ельцину и пользующийся репутацией «твердого государственника» В.П. Баранников. Неуверенность в завтрашнем дне в органах безопасности кончилась – началась эпоха их укрепления. Децентрализация КГБ (выделение из него службы внешней разведки, пограничных войск и мн. др.) была осуществлена еще при Бакатине, тогда же было ликвидировано одиозное Управление «по защите конституционного строя»; теперь, наконец, ведомство было переподчинено. Таким образом, задачи Президента Ельцина по отношению к КГБ оказались выполненными, и проблема архивов КГБ потеряла для него политическую и тактическую актуальность.

Решение Комиссии от 23 января 1992 г., сформированное под влиянием наступательной активности предыдущих месяцев, появилось в самый момент перелома, накануне издания президентского указа, окончательно конституировавшего российское Министерство безопасности, и никак не соответствовало уже вполне ощутимой новой ситуации. Поэтому принято оно было с большим трудом (хотя в конце концов и единогласно) и так и не было представлено Председателем Комиссии на утверждение Верховного Совета (хотя юридически необходимости в этом не существовало, но для реализации решения такая акция была необходима). Впрочем, несомненным успехом был сам факт его принятия, вряд ли возможный еще через месяц. Деление процесса передачи документов на этапы и сужение рамок первого этапа (о чем уже говорилось выше), постановленные совместно МБ и Роскомархивом через десять дней после решения Комиссии, ока-

зались первыми зримыми признаками тенденции к ограничению объема передачи в целом.

Эта тенденция, порожденная политической ситуацией, вполне удовлетворяет высшие власти, которым, в сущности, безразлично, в каком из подведомственных ей хранилищ будут находиться те или иные материалы, в любом случае для нее доступные. С точки же зрения охраны секретов (как государственных, так и связанных с агентурой, хотя бы и бывшей), то несомненно, что здесь власть больше доверяет архивам органов безопасности.

Не чувствуя за спиной реальной поддержки высшей власти, Комитет по архивам, по-прежнему желающий получить архивы КГБ, оказался в исполнении Указа один на один с МБ и практически бессилён противопоставить что-нибудь очевидному нежеланию МБ расставаться с большей частью документов и, не в меньшей мере, с имуществом и штатными единицами. Спорадическая активность руководства Роскомархива в этом направлении никаких результатов не приносит, для систематического же давления на МБ архивное ведомство слишком маломощная организация.

Что касается Министерства безопасности, то его выжидательно-лояльная позиция, характерная для осени–зимы 1991 г. несколько переменялась. Теперь оттуда все чаще раздаются предложения (пока неофициальные) не перевозить архивы, а оставить их на временном хранении на прежних местах и там же организовать силами органов госбезопасности их использование. Иначе говоря, сохранить *status quo*, добавив читальные залы. В пользу этих предложений здесь к очевидным доводам – экономия усилий и средств – добавляется и третий: исполнение таким образом духа Указа Президента. В указе было два аргумента передачи: предотвращение незаконного уничтожения документов и «создание условий для использования их для нужд науки и культуры народов РСФСР». Первое уже «предотвращено» и если МБ «создаст условия», то цели указа, с точки зрения его сотрудников, можно считать достигнутыми. Что до физической передачи документов, то, считают они, теперь, когда архивы КГБ СССР стали частью государственного архивного фонда России (а не СССР, как раньше), задача утратила свое первоначальное значение.

Эта концепция выглядит вполне разумной. Она устраивает Министерство безопасности, устраивает, на первый взгляд, высшую власть, а Роскомархив под давлением реальных обстоятельств скорее всего должен будет с ней смириться. Но она решительно не устраивает общество. Конечно, политическая активность общества, измотанного экономической разрухой, резко снизилась. Оно снова чувствует себя обманутым, теперь уже в своих надеждах августа 1991 г. Угас интерес к истории, даже публикации документов из архивов ЦК КПСС и КГБ, связанные с рассмотрением в Конституционном суде дела о КПСС, не вызвали ожидаемой острой реакции. Кажется, в обществе нет реальной политической силы, которая захотела бы включить вопрос об архивах КГБ в число своих лозунгов (и это несмотря на то, что утверждение «КГБ осталось прежним» стало общим местом либеральной прессы).

Однако было бы ошибкой трактовать ситуацию совсем уж пессимистически. Политика власти в области архивов, к счастью, не слишком после-

довательна. Прошедшим летом появились Указ Президента (изданный по инициативе Комиссии по реабилитации Верховного Совета) о рассекретивании материалов, «служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека» (№ 658, 23.06.1992) и Постановление Верховного Совета (№ 3088, 19.06.1992), ограничивающее секретность документов 30-летним сроком. Оба акта прямо касаются архивов КГБ. Идет, несмотря на все трудности, процесс передачи – приема документов КГБ. Указ Ельцина остается в силе, и ресурсы в работе по его реализации далеко не исчерпаны (еще не сыграли своей роли пресса, депутаты – члены комиссий по архивам, историки).

Есть предпосылки и к тому, что в недалеком будущем проблема архивов КГБ вновь актуализируется в общественном сознании.

Во-первых, не стерся (и не может быть стерт) этический пафос требований об их открытии. Сам факт, что хранителем материалов о репрессиях стал правопреемник той организации, которая эти репрессии производила, больше того, что ознакомление с делами пострадавших производится в тех самых зданиях, где этих людей пытали и казнили, не перестанет возмущать элементарное нравственное чувство.

Во-вторых, в связи с неминуемым вскоре выдвижением на первый план вопроса о «люстрации» общество заинтересуется, где, как и кем хранятся источники, по которым может быть проведена проверка, возможны ли тут фальсификации, подтасовки и прямой шантаж. Только в ходе дискуссий вокруг «люстрации» будет осознано, какая опасная сила заложена в архивах КГБ (МБ), как легко можно при ее помощи манипулировать не только отдельными гражданами, но и властными структурами. И, естественно, встанет вопрос – о целесообразности оставления *этих* материалов во владении *этой* организации⁹. Мы предвидим, что, наряду с пробуждением общественного интереса к архивам КГБ, дебатирование этих вопросов вызовет и защитную реакцию ведомства, для которого архивы – залог могущества (да и самого существования). В этой будущей борьбе вокруг архивов КГБ надежды, с нашей точки зрения, можно возлагать только на независимую общественность, успех же в ней возможен только при условии подлинной и кардинальной реформы органов безопасности.

Сентябрь 1992.

⁹ Авторы статьи считают, что материалы, непосредственно связанные с агентурой, не могут быть переданы из одного ведомства (МБ) в другое (Роскомархив), куда должен попасть основной корпус документов КГБ, и предлагают учредить для них специальный режим централизованного «сейфового» хранения, контроль за которым осуществлялся бы одновременно Президентом и Парламентом.

Здесь же хотим подчеркнуть, что к «люстрации» мы относимся с большой настроенностью и, во всяком случае, не являемся ее адептами.